

П. П. Пекарский

**История Императорской
Академии наук в Петербурге**

Том 2. Часть 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
П11

П11 **П. П. Пекарский**
История Императорской Академии наук в Петербурге: Том 2. Часть 1 / П. П. Пекарский – М.: Книга по Требованию, 2023. – 958 с.

ISBN 978-5-4241-8631-8

ISBN 978-5-4241-8631-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Апрель 1873 года.

Непремѣнный Секретарь Академикъ *К. Веселовскій*.

Составителю «Исторіи Академіи Наукъ» не суждено было дожить до выхода въ свѣтъ появляющагося нынѣ тома; но въ день кончины Пекарскаго, 12-го іюля минувшаго года, былъ уже набранъ и почти вполнѣ отпечатанъ весь текстъ этой книги, не исключая и приложеній, прочитанныхъ имъ самимъ въ корректурѣ. Такимъ образомъ, одному Пекарскому принадлежитъ трудъ не только редакціи, но и изданія настоящаго тома. Только Указатель, за который нанятъ академикъ не успѣлъ приняться, составленъ, уже по смерти его, посторонней рукой.

. Январь 1873.

ОГЛАВЛЕНИЕ ВТОРАГО ТОМА.

	СТРАН.
Предисловіе.	
Управленіе Академією наукъ и состояніе ея въ 1742 — 1766 годахъ	I—LVIII
Жизнеописанія :	
Тредіаковскій, Василій Кирилловичъ	1—232
Приложенія къ жизнеописанію Тредіаковского:	
I. Латинскіе стихи въ честь инфанта португальскаго Эммануила	233—234
II. Роспись театральнымъ принадлежностямъ для придворнаго спектакля 1732 года	234—237
III. Переводъ записки графа Морица Саксонскаго, писанный Тредіаковскимъ 1742 года	237—238
IV. Мнѣніе Тредіаковского о диссертациі Миллера	239—247
V. Собственноручныя надписи къ рагъ для мощей св. Александра Невскаго	248—250
VI. Отвѣтъ на письмо о сафической и гораціанской строкахъ	250—257
VII. Собственноручный латинскій переводъ Тредіаковского съ представленія и басни его	257—258
Ломоносовъ, Михайлъ Васильевичъ	259—892
Приложенія къ жизнеописанію Ломоносова:	
Жалоба въ сенатъ А. Нартова на злоупотребленія совѣтника Шумахера	893—895

II. Мнѣніе о грамматическихъ правилахъ и о Лексиконѣ г. Дандоло	895—896
III. Мнѣніе Ломоносова о рѣчи Мюллера: Происхожденіе народа и имени російскаго	897—907
IV. Собственноручныя надписи Ломоносова къ ракъ для мощей св. Александра Невскаго	907—908
V. Всенижайшее предложеніе о учрежденіи здѣсь мозаичнаго дѣла	908—910
VI. Описанія, составлявшіяся Ломоносовымъ къ иллюминаціямъ	910—916
VII. Письмо Леонарда Эйлера къ Ломоносову, 1754 г.	916—918
VIII. Собственноручныя черновые отрывки Ломоносова касательно устава и штата Академіи наукъ	918—924
IX. Черновой собственноручный отрывокъ Ломоносова о штатѣ для университета при Академіи наукъ, 1759 года	924—925
X. Черновой собственноручный отрывокъ Ломоносова изъ проекта устава для гимназій въ Москвѣ и другихъ городахъ	925—926
XI. Черновой собственноручный набросокъ Ломоносова диссертаціи его о твердости и жидкости тѣлъ, 1760 г.	927—928
XII. Черновой собственноручный набросокъ съ перечисленіемъ винъ и простушковъ Тауберта, 1761 года	928—929
XIII. 1. Отрывокъ изъ проекта устава Академіи наукъ	929—932
2. <i>Idea status et legum Academiae Petropolitanae</i>	932—944
3. Отрывокъ, писанный неизвѣстною рукою, изъ проекта Академіи наукъ	944
XIV. Собственноручныя наброски и отрывки Ломоносова, которые оставались донынѣ ненапечатанными	945—954
XV. Описаніе ломоносовскихъ бумагъ изъ собранія, принадлежащаго Н. М. Орлову	954—963

Азбучный указатель именъ и предметовъ.

Управленіе Академією наукъ и состояніе ея въ 1742—1766 годахъ.

„Нѣтъ-де у насъ никакого добраго порядку: овладѣли-де все у насъ иноземцы; Виронъ-де. всѣмъ овладѣлъ!“ Шепотомъ и только между задушевными друзьями велись такія рѣчи въ царствованіе императрицы Анны, потому что тогда не были терпимы въ высшихъ сферахъ русскаго общества выходки противъ нѣмцевъ. Несмотря однако на такую сдержанность въ выраженіи непріязненныхъ чувствъ, за границею не было тайною, что въ Россіи гнѣздится недовольство на преобладаніе тамъ иноземцевъ, и что это чувство не замедлитъ обнаружиться при первомъ удобномъ случаѣ. Объ этомъ знала также и дочь Петра Великаго: при вступленіи своемъ на престолъ, въ первыхъ заявленіяхъ къ народу не было ея забыто напоминаніе о нелюбви къ иноземцамъ и намѣреніи положить предѣлъ вліянію ихъ на дѣла въ Россіи.

Любопытно то обстоятельство, что во Франціи, удаленной, но тѣмъ не менѣе равниво слѣдившей за усиливавшимся значеніемъ Россіи, какъ державы европейской, во Франціи довольно вѣрно угадывали, что съ возвращеніемъ Россіи къ до-петровскимъ порядкамъ, она неизбѣжно утратитъ это значеніе и снова сдѣлается безучастною къ событіямъ, совершавшимся въ Европѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ однако французы глубоко

заблуждались, полагая, что возвращеніе къ старинѣ очень легко и удобно произвести въ Россіи посредствомъ удаленія отъ вліянія на дѣла иноземцевъ въ родѣ графа Остермана ¹⁾). Подобная мысль очевидно могла возникнуть только отъ неяснаго пониманія значенія того, что происходило въ Россіи съ XVII столѣтія. Совершавшійся тамъ переворотъ подготовлялся съиздавна, и въ немъ, стало быть, отдѣльныя личности могли только способствовать ему, но никакъ не противодѣйствовать съ успѣхомъ новому порядку вещей. Лучшій примѣръ тому — Петръ Великій: несмотря на всю гениальность этого государя, переворотъ въ Россіи созданъ не имъ; онъ только вѣрно угадалъ его и приступилъ къ осуществленію скорѣе и рѣшительнѣе своихъ предшественниковъ.

По этой же самой причинѣ императрица Елисавета, лично можетъ быть предубѣжденная противъ многого, что дѣлалось въ государствѣ со временъ царствованія ея отца, послѣ вступленія своего на престолъ, должна была поддаться потоку, увлекшему Россію на путь преобразованій и заимствованій. Новая государыня, чтобы удержаться на высотѣ, на которую возвелъ ее счастливое спѣшеніе обстоятельствъ, явилась продолжательницею того, что такъ ясно и опредѣлительно выразилось въ дѣятельности русскаго правительства со временъ Петра Великаго. При такомъ положеніи дѣлъ, иноземцы, которыхъ этотъ государь охотно призывалъ въ Россію, такъ какъ мудро умѣлъ пользоваться ими для достиженія разныхъ цѣлей на пользу и благо Россіи, иноземцы должны были пригодиться и при императрицѣ Елисаветѣ, почему большая часть изъ нихъ спокойно остались у насъ, и исключенія были сдѣланы въ отношеніи только навлекшихъ на себя по разнымъ причинамъ личное неудовольствіе новой императрицы.

Впрочемъ, прежде чѣмъ государство успокоилось отъ внезапныхъ переменъ въ высшемъ правительствѣ, въ народѣ не прошло безъ проявленій ненависти къ порѣшенной биронов-

1) Маркизъ де ла Шетарди въ Россіи 1740—1742 годовъ (Спб., 1862 г.), 50, 51, 406, 432, 248.

цияѣ. Надежда на легкую поживу, разгулъ и опьянѣніе — эти неразлучные спутники всякаго государственнаго переворота — имѣли въ такихъ проявленіяхъ немаловажную долю участія. Жившіе въ Россіи нѣмцы приходили тогда въ непритворный ужасъ. „Всѣ мы, чужеземцы, писалъ секретарь саксонскаго посольства изъ Петербурга, 9 декабря 1741 года, живемъ здѣсь постоянно между страхомъ и надеждою, такъ какъ отъ солдатъ, дѣлающихся все болѣе и болѣе наглými, слышны только угрозы, и надобно приписать Провидѣнію, что до сихъ поръ не обнаружилась ихъ злая намѣренія“. Или 12 декабря 1741 года: „Все дѣло было начато чернью, и недостаточно цѣлой тетради для описанія наглости ея, и потому мы, бѣдные иноземцы, трепещемъ и дрожимъ здѣсь, особенно, когда извѣстно, что за враги намъ были Долгорукіе и прочіе возвращенные“¹⁾. ...18 апрѣля 1742 г. на адмиральтейской площади подъ качелями офицеры изъ иностранцевъ хотѣли разнять солдатъ, подравшихся съ разнощикомъ, но тѣ кинулись на офицеровъ и послѣдніе принуждены искать спасенія въ соседнемъ домѣ. Солдаты начали его осаждать, грабя и разбивая тамъ посуду, а народъ внизу кричалъ: „надобно иноземцевъ всѣхъ уходить!“ Въ русскомъ лагерѣ противъ шведовъ, 12 мая того же года, возникло также волненіе между русскими солдатами, и они было уже начали арестовывать офицеровъ съ иностранными фамиліями, подозрѣвая ихъ въ измѣнѣ. И при этомъ случаѣ слышались крики: „надобно нѣмцевъ всѣхъ побить!...“²⁾

Не одни солдаты и чернь выказывали въ первые мѣсяцы царствованія Елисаветы намѣреніе раздѣлаться съ нѣмцами: въ проповѣдяхъ, произнесенныхъ въ ту эпоху разными проповѣдниками въ церквахъ, раздавались ярыя выходки противъ недавнихъ властителей. „Доселѣ дремахомъ, говорилъ, напр., Флоринскій въ своей проповѣди 18 декабря 1741 г., а нынѣ увидѣхомъ, что Остерманъ и Мюнхъ съ своимъ сонмищемъ, влѣзли въ Россію, яко эмиссаріи дьявольскіи, имъ же, попу-

1) Маркизъ де ла Шетарди въ Россіи | 2) Исторія Россіи, соч. г. академика
въ 1740—1742 гг. (Спб., 1862 г.), 413. | Соловьена, XXI, 179, 219.

стившу Богу, богатства, слава и честь желанная приключи-
шася, сія бо имъ обѣтова сатана... Что же Остерманъ и Мо-
нихъ съ своими снудники таковыи эмиссаріи были, довлѣютъ
сіи дѣдовы....“ Другой проповѣдникъ Амвросій Юшкевичъ
тогда же долгомъ счелъ въ своей проповѣди между прочимъ
такъ отозваться объ иноземцахъ: „Разговору большаго у нихъ
не было, какъ токмо о людяхъ ученыхъ: о Боже! какъ-то не-
счастлива въ томъ Россія, что людей ученыхъ не имѣеть и
ученія завести не можетъ! Незнающій человекъ ихъ хитрости
и коварства думалъ, что они то говорятъ отъ любви и ревности
къ Россіи; а они для того нарочно, чтобъ гдѣ нибудь сыскавъ
человѣка ученаго, погубить его...“¹⁾

Послѣ подобныхъ выходовъ, возбуждавшихъ не только
толки, но и надежды раздѣлаться такъ или иначе съ иноземцами,
нисколько не покажется удивительнымъ, что къ этому именно
періоду времени относятся доношенія на академическаго
совѣтника Шумахера отъ состоявшаго при инструментальной
мастерской въ Академіи наукъ Нартова, астронома Н. И. Де-
лиля и нѣсколькихъ академическихъ переводчиковъ, студен-
товъ и канцелярскихъ служителей. Кромѣ казнокрадства и
превышенія власти, Шумахеръ обвинялся еще ими въ гоненіи
русскихъ ученыхъ и учащейся русской мѣлодежи, покровитель-
ствѣ иноземцевъ и т. д. Нельзя не признать, что время къ по-
дачѣ такихъ доношеній было избрано чрезвычайно удачно, и на
первыхъ порахъ они произвели свое дѣйствіе: 30 сентября
1742 года послѣдовало повелѣніе императрицы Елисаветы
удалить Шумахера отъ должности съ преданіемъ суду, а Нар-
тову поручено правленіе дѣлъ Академіи наукъ. При Петрѣ
Великомъ Нартовъ былъ извѣстенъ какъ искусный въ своемъ
мастерствѣ токарь. Потомъ это имя сохранилось въ нашей
исторической литературѣ по запискамъ, подъ заглавіемъ „До-
стопамятныя повѣствованія и рѣчи Петра Великаго“²⁾. Служба

1) Придворная проповѣди въ цар-

ствованіе Елисаветы, г. Н. Попова въ
Лѣтописяхъ русской литературы и
древности, 1859 г., кн. III, отд. III,

9 и 5.

2) Этотъ первоначальный источникъ
для жизнеописанія Петра Великаго
напечаталъ, но къ сожалѣнію крайне

Нартова началась съ 1709 г. въ Москвѣ, гдѣ на Сухаревой башнѣ онъ завѣдывалъ токарными инструментами послѣ мастера Влеера. Въ 1712 г. онъ переведенъ въ Петербургъ въ токарную царя, большаго охотника и знатока этого мастерства. По собственному разсказу Нартова, онъ 30 июня 1718 г. былъ отправленъ сначала въ Берлинъ „отъ лица царскаго съ дарами и съ нѣсколькими великорослыми солдатами къ королю прусскому“. Последній принялъ его очень ласково и выказывалъ большое удовольствіе за табакерку съ портретомъ царя, которую онъ точилъ самъ. Когда Нартовъ въ послѣдствіи разсказывалъ объ этомъ Петру, то послѣдній сказалъ: „я знаю, что работа наша королю пріятнѣе золота: онъ таковъ, какъ и я — роскоши и мотовства не любить...“¹⁾ „Путешествіе Нартова, продолжаетъ онъ разсказывать, въ Парижъ и Лондонъ по повелѣнію государеву было ради того, дабы приобрести онъ

побрежно, въ журналѣ Москвитиннѣхъ 1842 г., № 4, матер., 443—475; № 6, матер., 325—333; № 7, матер., 22—35; № 8, матер., 324—343; № 11, матер., 116—142. Критическая оцѣнка извѣстій Нартова, который въ нихъ выказываетъ замѣтную склоность къ преувеличенію своего значенія при особѣ царя, сдѣлана покойнымъ академикомъ Устряловымъ въ Исторіи царствованія Петра Великаго, I, стр. LV—LVII.

1) Москвитиннѣхъ 1842 г., № 8, матер., 326 и № 7, матер., 34. Нартовъ о пребываніи своемъ въ Берлинѣ написалъ слѣдующее любознательное письмо къ кабинетъ-секретарю Петра Великаго, Макарову: «Высокопочтенному господину, господину Алексѣю Васильевичу. Объявляемъ вамъ, какъ мы прибыли въ Берлинъ и которая машина токарная съ нами послана, и оную машину привезли въ цѣлости королевскому величеству. И изволили смотрѣть королевское величество оную машину и изволили милостиво похвалять, и изволили сказать, что у насъ въ Берлинѣ такой машины нѣтъ. И приказалъ оную

машину поставить близь своей спальни въ мраморовой каморѣ. И какъ мы оную машину поставили, и приказалъ королевское величество разными кунштами работать розалы и костяныя табакеры. И для онаго королевское величество изволилъ насъ задержать полтора мѣсяца для показанія разныхъ работъ, понеже въ Берлинѣ такихъ художниковъ не смыкали. И какъ мы работали королевское величество изволилъ приходитъ къ работѣ и учитьца. И мы многіе куншты королевскому величеству показали, и какъ въ движеніи оная машина, и то все показали, и милостиво изволили похвалять королевское величество работу нашу и изволили насъ отпустить въ Голландію, также куда намъ надлежитъ. А ввартуру мы имѣли по пмѣнному его величества указу его королевскаго величества по дворѣ и ища съ его королевской поварни, также и питія...» Далѣе просьба о жалованьѣ на предбудущій 1719 г. и извѣстіе что 20 декабря поѣдетъ въ Голландію (Кабинетныя дѣла Петра В., II, книга №)

вѣщшіе успѣхи въ механикѣ и математикѣ, а притомъ, чтобъ сдѣлать тамъ для собственнаго упражненія его величества токарныя машины, которыя понынѣ въ сохраненіи находятся въ санктпетербургской кунсткамерѣ, съ вырѣзаніемъ на каждомъ станкѣ имени сего російскаго механика; сверхъ того поручено ему было въ Лондонѣ помогать получить свѣдѣнія о нововымышленномъ лучшемъ пареніи и гнучіи дуба, употребляющаго на корабельное строеніе, съ чертежемъ потребныхъ къ сему печей и собрать въ обоихъ мѣстахъ для любопытства монарха сего лучшихъ художниковъ физическихъ инструментовъ, механическихъ и гидравлическихъ машины...“ Когда Нартовъ уѣзжалъ изъ Парижа, то президентъ тамошней Академіи наукъ аббатъ Биньонъ, по просьбѣ его, далъ ему рекомендательное письмо къ царю. Здѣсь, послѣ похвалъ успѣхамъ Нартова во всемъ, что касается токарнаго искусства, говорилось о немъ: „Сей совершенно сходствуетъ съ тѣмъ дѣломъ, на которое ваше величество его изволили опредѣлить и не возимѣете ваше величество случая каяться въ иждивеніяхъ, правдиво королевскихъ, которыя вы изволите чинить, дабы онъ могъ, путешествуя по вашему указу, получить знанія, которыя ему потребны...“ Затѣмъ слѣдуютъ похвалы сработанныхъ Нартовымъ медалей. Послѣдній къ этому прибавляетъ: „государь велѣлъ письмо сіе перевести и нѣкогда отправляющимся по указу его въ чужіе края для обученія наукъ и художествъ россиянамъ: Еропкину, Хрущову, Земцову, Овсову, Матвѣеву, Захарову и Меркурьеву прочесть, сказавъ имъ: „желаю, чтобъ и вы съ такимъ же успѣхомъ поступали“¹⁾.

Уже по смерти Петра Великаго, именно 13 августа 1725 г., императрица Екатерина I приказала Нартову „сдѣлать триумфальный столбъ, на которомъ будутъ изображены его вѣчно достойныя блаженныя Памяти императорскаго величества баталіи“. Нартовъ для выполненія этого повелѣнія требовалъ къ себѣ различныхъ мастеровъ; подготовительныя работы для

1) Москвитинъ 1842 г., № 8, ма- | въ Россіи при Петрѣ Великомъ, I,
тер., 326—329; Наука и литература | 530—532.